

К 100-летию со дня смерти Н. В. Гоголя

Гоголь и революционные демократы

В конце 1830 года, после длительных цензурных мытарств, вышел в свет «Борис Годунов» А. С. Пушкина. В истории русского реализма это одна из величайших вех, и крайне показательно, что в начале следующего года с защитой великой народной трагедии от нападков реакционных кругов выступили два писателя, навсегда связавших свою последующую деятельность с пушкинскими традициями. Один из них — Н. В. Гоголь, написавший статью «Борис Годунов. Поэма Пушкина». Другим оказался будущий величайший истолкователь деятельности и Пушкина и Гоголя — В. Г. Белинский.

Великие традиции Пушкина явились исходным началом всей литературной деятельности Гоголя и Белинского. Осуждение полицейско-крепостнического строя, утверждение свободомыслия и просвещения, гуманизм и демократизм вдохновенно были восприняты и развиты Гоголем и Белинским. В их деятельности отразился рост крестьянского недовольства в стране. Хотя Гоголь и был далек от прямых политических выводов Белинского — критика-революционера, тем не менее в созданной им грандиозной галерее художественных образов беспощадно разоблачена гнилость крепостнического и самодержавного строя.

Сила Гоголя — в изобличении исторической отсталости, бесчеловечности феодально-крепостнического строя, в презрении к буржуазному хищничеству и предпринимательству. Как великий патриот, Гоголь знал, чего требует от него отчизна. И это превосходно понимали революционные демократы. Н. Г. Чернышевский писал: «...Ни в ком из наших великих писателей не выражалось так живо и ясно сознание своего патриотического значения, как в Гоголе. Он прямо себя считал человеком, призванным служить не искусству, а отечеству, он думал о себе:

«Я не поэт, я гражданин».

И не случайно Некрасов объединял имена Гоголя и Белинского и называл их заступниками народными:

«То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!»

Гениальные произведения Гоголя вызвали обострение социально-политической борьбы в русской литературе 30—40-х годов XIX столетия. Реакционные критики с навязчивым упорством и яростью твердили, что Гоголь — «односторонний талант», плохо знающий русскую жизнь. Н. Полевой клеветнически писал, что «Мертвые души» — «ложь и выдумка», а лицемерный «друг» Гоголя С. Шевырев, один из наиболее отвратительных представителей реакционной печати, пытался сгнать значение творчества великого сатирика, будто бы рисуя только «смешную сторону, полюбившая, а не весь обхват русского мира».

Белинский увидел в молодом Гоголе главу новой литературы, истинного преемника Пушкина. Заново переоценивая многие ценности, ниспровергая ложные авторитеты, критик боролся за литературу, отвечающую высоким требованиям народности и реализма. Высочайшее художественное осуществление этих принципов он видел в Пушкине и Гоголе.

Гоголь стал для Белинского знаменем не только новой литературной школы, но и растущего освободительного движения. Белинский ясно и отчетливо сознавал великое значение Гоголя для судеб русской литературы. Не только настоящее современное ему искусство, но и грядущие пути его развития уяснялись для Белинского на опыте Гоголя. После смерти Пушкина он писал Гоголю:

«Вы у нас теперь один — и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связаны с вашей судьбой: не будь вас — и прощай для меня настоящее и будущее в художественной жизни моего отечества...».

Грустные повести о миргородских «существователях», звериные лики чиновничьего мира, призрачный и подлинный чиновный Петербург, наконец, страшная в своей бесчеловечности галерея помещиков в «Мертвых душах» знаменовали все более острое и последовательное отрицание крепостнической николаевской России. Опираясь на творчество Гоголя, Белинский вел борьбу за высокодейное общественно значительное и реалистическое искусство. Он показал, что великий писатель сумел вскрыть глубочайшие тайники общественной жизни, проникнуть художественным взглядом в самую сокровенную сущность общественных отношений. «В самом деле, — писал критик, — вельзя не дивиться его умению оживлять все, к чему ни прикоснется... его орлиному взгляду, который проникает во глубину тех тонких и для простого взгляда недоступных отношений и причин, где только слепая ограниченность видит мелочи и пустяки, не подозревая, что на этих мелочах и пустяках вертится, увя! — целая сфера жизни».

Гоголевское творчество помогло Белинскому отчетливо и ясно сформулировать основные требования художественного реализма. Белинский писал, что обличительная, критическая направленность — основная черта русского реализма. Именно в

этом смысле он видел в Гоголе более важное значение, ибо «...Гоголь более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени...»

Подобно Белинскому, Гоголь считал, что главный и единственный путь русского искусства — реалистическое, правдивое изображение «обыкновенного», обычной жизни. Великий сатирик указывал, что в основе реализма лежит стремление художника к раскрытию коренных начал, внутренних законов общественной жизни.

Именно эту сторону гоголевского реализма внимательно изучал Белинский. В «Миргороде» он отмечал удивительную верность изображения жизни. В «Ревизоре» — новый шаг писателя к великому и общественно-действенному изображению действительности. «Его оригинальный взгляд на вещи, — писал критик о Гоголе, — его умение схватывать черты характеров, налагать на них печать типизма, его неистощимый юмор — все это дает нам право надеяться, что театр наш скоро воскреснет, скажем более — что мы будем иметь свой национальный театр, который будет нас угощать не насильственными кривляньями, не заемным остроумием, не уродливыми переделками, а художественным представлением нашей общественной жизни...».

Художественное представление современной ему общественной жизни — вот что увидел молодой Белинский в творчестве Гоголя. Но это прогрессивное и демократическое понимание произведений Гоголя Белинскому приходилось упорно защищать от нападков, клеветы и оскорблений со стороны реакции. Особенно яростная борьба развернулась вокруг «Мертвых душ», которые появились 21 мая 1842 года. «Мертвые души» потрясли всю Россию — свидетельствовал Герцен. Великая поэма Гоголя вызвала разногласию литературных суждений, крайнюю ярость реакционеров и страстную защиту со стороны передовых людей того времени. Никогда еще литературные страсти не накалялись до такой степени.

И это понятно. Речь шла о путях дальнейшего развития русской литературы и общественной мысли. Этот вопрос теснейшим образом связывался с основной проблемой эпохи — борьбой против крепостного права. Поэтом Белинский и говорил, что непрерывные толки и споры о поэме Гоголя — вопрос столько же литературный, сколько и общественный.

В борьбе за Гоголя Белинский непримиримо разоблачил выпады реакции, жалкие попытки Сенюковских и Булгаринских облить грязью великого писателя-патриота. Особое внимание уделил он разоблачению тонкой и лукавой, но столь же реакционной критике славянофилов. Белинский раскрывает объективно революционный пафос поэмы Гоголя, указывает, что в ней Гоголь сделал великий шаг вперед, ибо он не только правдиво изображает реальные отношения, но и вводит в поэму сознательную передовую мысль.

Белинский превосходно понял и раскрыл важнейшую сторону поэмы, в которой Гоголь установил великую традицию русской литературы — разоблачение бездуховности эксплуататорского общества, мертвой души паразитических классов. Именно эту сторону развил впоследствии Герцен в своих замечательных оценках исторического дела и подвига Гоголя.

Пафос гуманности и отрицание отживших форм жизни — вот в чем, в отличие от славянофилов, видел Белинский подлинное значение поэмы. Он называл ее творением чисто русским, национальным, выхваченным из тайника народной жизни, столько же истинным, сколько и патристическим.

Спор о Гоголе превратился в спор о том, должно ли искусство приукрашивать действительность николаевской империи или должно отрицать ее, противопоставляя ей положительные идеалы революционной демократии.

Победоносно утверждая критический реализм, Белинский решительно и резко критиковал Гоголя за попытку изменить делу народа в его печально известных «Выбранных местах из переписки с друзьями». В своем гениальном «Письме к Гоголю» Белинский сформулировал национальные задачи всего антикрепостнического лагеря. Отражая настроения крепостного крестьянства, Белинский разоблачает реакционный утопизм политических чаяний Гоголя и призывает к непримиримой борьбе с крепостничеством.

Указывая на политическое значение русских писателей, Белинский при этом решительно отделяет Гоголя — автора «Мертвых душ» и «Ревизора» от Гоголя — сочинителя «Выбранных мест». Гоголь-художник навсегда остается в рядах демократической прогрессивной России.

Великий мыслитель и ученый Н. Г. Чернышевский, вслед за Белинским, утверждал: «...Давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России...», «Он пробудил в нас сознание о нас самих...»

В 50-х и начале 60-х годов XIX века либерально-реакционный лагерь предпринимает новую атаку на наследие Гоголя.

Критик Дружинин, заявляя, что «Гоголь устарел», «дидактичен», выступает с прямой полемикой против «Письма к Гоголю» Белинского, взяв под защиту «Выбранные места из переписки с друзьями».

Против этих «теорий» заявили категорический протест Некрасов, Чернышевский и Добролюбов. В письме к Боткину Некрасов с гневным возмущением заявляет, что Дружинин «просто врет и врет безнадежно, так что с ним и говорить о подобных вещах бесполезно...»

В борьбе революционной демократии с либералами и крепостниками творчество Гоголя приобрело исключительное значение. Революционные демократы поднимают на щит гениальное по своей критической, разоблачительной художественной силе наследие великого русского художника слова. Чернышевский говорил о подлинно героическом служении Гоголя своему народу. В творчестве Пушкина и Гоголя он видел два тесно связанных этапа в развитии передового русского искусства. Особенное внимание Чернышевский уделял реализму Гоголя.

Развивая основные положения Белинского, великий революционный демократ писал: «Мы называем Гоголя без всякого сравнения величайшим из русских писателей по значению», «...За Гоголем остается заслуга, что он первый дал русской литературе решительное стремление к содержанию, и притом стремление в столь плодотворном направлении, как критическое».

Вне гоголевских традиций Чернышевский не мыслил успешного развития литературы. «Гоголь важен, — писал он, — не только как гениальный писатель, но вместе с тем и как глава школы — единственной школы, которую может гордиться русская литература».

Наряду с этим Чернышевский указывал на историческую ограниченность реализма Гоголя. Он писал, что Гоголя поражаало безобразие фактов и он выражал свое негодование против них; но о том, из каких источников возникают эти факты, какая связь находится между той отраслью жизни, в которой встречаются эти факты, и другими отраслями умственной, нравственной, гражданской, государственной жизни, Гоголь не размышлял много.

Еще более отчетливо писал об этом критик в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «...Мы не считаем сочинения Гоголя безусловно удовлетворяющими всем современным потребностям русской публики». Чернышевский был прав. Рост общественного движения в стране предъявлял новые требования к литературе. В произведениях таких наследников Гоголя, как Некрасов, Салтыков-Щедрин, Лев Толстой, русский критический реализм достиг своей вершины.

Н. А. Добролюбов, вслед за Белинским и Чернышевским, превосходно вскрыл противоречия во взглядах Гоголя. В статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» Добролюбов писал, что Гоголь «не смог идти до конца по своей дороге. Изображение пошлости жизни ужаснуло его; он не создал, что эта пошлость не есть удел народной жизни, не создал, что ее нужно до конца преследовать, насколько не опасаясь, что она может бросить дурную тень на самый народ».

Революционные демократы 60-х годов, как и Белинский, так же резко отделяли Гоголя-художника от Гоголя — автора «Выбранных мест». Чернышевский указывал, что писатель, создавший «Ревизора» и первый том «Мертвых душ», до конца жизни остался верен себе, несмотря на то, что как мыслитель мог заблуждаться.

Бой за Гоголя выиграла демократическая Россия. Как художник, Гоголь мог служить и служил только народу и родине.

Служение искусства делу освобождения народа являлось главным, объединяющим всех представителей революционной демократии, принципом. Великий украинский поэт Тарас Шевченко записывал в дневнике: «О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опасную чернь! За этого поруганного, бессловесного смерда!» Этот призыв нашел гениальное воплощение и в критической борьбе Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Герцена, Салтыкова за передовые традиции гоголевского наследия.

В своих величайших творениях Гоголь создал грандиозную картину жизни крепостнической России, разоблачил самые основы полицейско-самодержавного строя, показал внутреннюю несостоятельность, духовное ничтожество сил реакции, изобличил пошлость, пошлость господствующих классов. В этом бессмертная заслуга великого русского писателя. Именно это дало возможность Белинскому, Чернышевскому и Добролюбову сделать творчество Гоголя знаменем своей борьбы за коренные интересы народа, превратить гоголевский критический реализм в действенное орудие борьбы за освобождение народа.

М. ПОЛЯКОВ.

Кандидат филологических наук.